

«Время решать»

Итоги 1963 года вызывали у отца смешанные чувства. Я не говорю о сельском хозяйстве – несчастье оно всегда несчастье, но и промышленность настораживала хроническим недовыполнением даже, казалось бы, реальных планов. С другой стороны, рост за десятилетие, с 1953 по 1963 год, впечатлял: выплавка чугуна увеличилась с 39,6 до 58,7 миллионов тонн, стали с 54,9 до 80,2 миллионов тонн, добыча нефти с 113 до 206 миллионов тонн, газа с 29,9 до 91,5 миллиардов кубометров; выработка электричества возросла с 235 до 412 миллиардов киловатт-часов. Правда, как и раньше, хромала группа «Б» – товары народного потребления. Выпуск тканей увеличился всего на 14 процентов, а обуви – на 30 процентов. Позорно мало!

За прошедшие годы были повышены закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию: с 97 копеек за центнер пшеницы в 1952 году до 7 рублей 56 копеек в 1963 году, картофеля с 47 копеек до 7 рублей 10 копеек, овощей с 1 рубля 92 копеек до 7 рублей 52 копеек, говядины с 2 рублей 03 копеек до 79 рублей 90 копеек, молока с 2 рублей 32 копеек до 12 рублей 18 копеек, яиц (за тысячу штук) с 19 рублей 90 копеек до 70 рублей. Перечисление можно продолжить. Колхозы и совхозы стали работать несколько лучше, чем десять лет тому назад: мяса в 1963 году заготовили 4,99 тысяч тонн (1953 г. – 1,76), молока – 10,11 (1,98), масла – 622 тысяч тонн (330), сахара – 5,33 тысяч тонн (2,41), яиц 7,34 миллионов

штук (2,05). Но коренного поворота не произошло. Даже вызвавшее столь драматическую реакцию повышение 1 июня 1962 года закупочных и розничных цен общую ситуацию не переломило. «Подняли цены на мясо, а мяса в магазинах не прибавилось», – посетовал отец на заседании Президиума ЦК 10 сентября 1963 года.

Настораживали и предварительные итоги семилетки 1956–1965 годов. Она еще не закончилась, но стало очевидным, что на сто процентов выполнить ее не удастся, разрыв в темпах прироста производства предметов потребления по сравнению с развитием средств производства не сократился на 23 процента, как предписывал план, а увеличился до 43 процентов. Госплан исподволь саботировал перенос тяжести с группы «А» на группу «В», продолжал ведомственную политику предпочтения тяжелой промышленности по сравнению с производством предметов потребления. С отцом, требовавшим обратного, не спорили, но его больше и не слушались.

10 ноября 1963 года на Президиуме ЦК подводили предварительные итоги выполнения годового плана и наметки развития экономики на два оставшихся года семилетки. За год национальный доход прирастал на 3,5 процента, на 1,4 процент меньше ожидаемого, реальный доход на одного рабочего поднимался всего на 2 процента против запланированных 4,9. В 1963 году рост промышленного производства составлял 6 процентов (при этом по средствам производства 7,7 процента, а предметам потребления – 4 процента), тоже меньше запланированного, а в сельском хозяйстве и вовсе снизилось на 3 процента. В 1963 году объем незавершенного строительства увеличился на 53 процента, 40 процентов запланированных мощностей не ввели в строй вовремя, и, как следствие, на 42 процента возросли остающиеся без какой-либо отдачи капиталовложения. По производству химических волокон план выполнили всего на 57 процентов, по искусственному каучуку на 68 процентов, по строительству электростанций на 79 процентов. Жилья за семилетку реально построят 401 миллион квадратных метров. Это много, но всего 86 процентов от контрольного задания. При этом стоимость одного квадратного метра снизится с 145 рублей до 138 рублей, а не до предписанных 120 рублей.

К самому концу года то ли дела несколько поправятся, я уж не знаю, каким образом, то ли цифры подправят, но официально объявят о росте промышленного производства на 8,5 процентов.

В 1964 году, при освобождении отца от должности, Суслов бросит ему в лицо обвинение: «В 1950–1956 годах годовой прирост экономики колебался между 10,6 и 11,1 процентами, а в “хрущевской” семилетке 1959–1964 годов он упал до 6,9–5 процентов». Как будто отец этого не знал, и сам Суслов не участвовал в постоянных обсуждениях проблем экономики, в том числе 10 ноября 1963 года.

В 1990-е годы начнут приводить еще более удручающие цифры, якобы в 1963 году национальный продукт вообще не увеличился, а по сравнению с 1962 годом уменьшился на 1,7 процента, в том числе промышленное производство сократилось на 1,6 процента, сельскохозяйственное – на целых 7,5 процентов. Откуда взялись эти данные, авторы умолчали.

Трудно сказать, кому можно верить. Скорее всего – все врут, подстраиваются под сиюминутный «политический заказ», но несомненно одно – к середине 1960-х в экономике наметился разлад, нарастающий с каждым последующим годом все сильнее.

Я уже писал, что планы недовыполнялись, начиная с первых пятилеток. Сталин считал, что заведомо невыполнимое задание стимулирует, заставляет работать лучше. Отец попытался сделать план планом, но без особого успеха. И причина здесь не в отце и даже не бюрократии Госплана. Госплан, даже при наличии компьютеров, уже не справлялся с «увязкой» все возрастающей номенклатуры планируемых к производству товаров, захлебывался в переизбытке информации, все чаще давал сбой, которые срывали выполнение им же, казалось бы, тщательно просчитанных планов, болезненно отражались на жизни людей.

Сейчас, из будущего, видно, что это процесс объективный. Централизованная вертикальная структура управления экономикой достигла предела своих возможностей, и справиться с увеличением изо дня в день разнообразия номенклатуры, качества и других параметров производства была не в состоянии даже теоретически. Человеческий фактор, бюрократизм и личные пристрастия госплановцев, конечно, сказывались, но «корень зла» заключался не в них.

Отец первым интуитивно ощутил, что «перестановкой мебели» ограничиться больше не удастся, надо менять сами принципы взаимоотношений производителя с государством, производителя с потребителем. К концу 1963 года он окончательно убедился, что «совнархозной свободы» недостаточно. В 1964 год Хрущев вступал с твердым намерением дать свободу директорам предприятий, свести их общение с «верхами» к абсолютно прозрачному минимуму.

Предстояло решить: к какому? Экономические дискуссанты 1962 года предлагали обложить предприятия заранее оговоренным на пятилетку «оброком», в современной терминологии «налогом», и более не вмешиваться в принимаемые их директорами конкретные решения. Тогда это рассматривалось как антибюрократическая мера. Сейчас очевидно, что логика предлагавшейся реформы неизбежно вслед за свободой принятия решений директорами предприятий требовала повышения их реальной ответственности за последствия собственных решений. Расплачиваться за ошибки должны они сами, а не государство. Другими словами, путь, на который становился Хрущев, неизбежно вел к приватизации предприятий, к переходу от плановых основ управления народным хозяйством к рыночным. Но так далеко никто не заглядывал – ни отец, ни самые прозорливые экономисты-реформаторы. Их заботили сиюминутные проблемы, и выход виделся в свободе директоров, но под патронажем государства. Как и какую свободу даровать руководителям производства, предстояло ответить набиравшему силы эксперименту. Первые его результаты ожидалось уже в наступающем году. А там, считал отец, можно и решение принимать.

К сожалению, складывающаяся в стране обстановка намерениям отца не благоприятствовала. Если в 1953 году его реформы поддерживало большинство, то сейчас это же большинство глухо роптало. От истекшего десятилетия люди ожидали большего: большего достатка, большей свободы, всем всего недоставало, и все оказались недовольными. Так уж устроены люди: уже происшедшие изменения быстро становятся привычными, их перестают замечать, о них забывают. Людей раздражал недостаточный ассортимент продуктов в магазинах, не говоря уже о нередких перебоях с поставками, плохое качество жилья, бесконечные очереди за всем и везде. Никто не хотел вспоминать, что совсем недавно на отдельные квартиры могли претендовать только генералы да писатели-лауреаты, а в продуктовых магазинах ассортимент сводился к паре наименований, и он доставался только тем, кто не поленился занять очередь с раннего утра. Все претензии предъявлялись лично Хрущеву, он все время на виду, он за все в ответе. В вину ему ставили даже последний неурожай, повлекший за собой не голод, как случалось ранее, но ощутимые неудобства.

Первыми «разлюбили» отца московские чиновники, сразу после того, как у них отняли сталинские «конверты» и урезали другие привилегии. А тут еще и совнархозная пертурбация, ликвидация министерств, а с ними и давно обжитых столичных кабинетов.

Партийных начальников раздражали пришедшие на смену райкомам партии межрайонные производственные управления, разделение «по интересам» обкомов партии и все настойчивее звучащее требование их личной «профессионализации» или...

Генералов и офицеров не устраивало сокращение Вооруженных сил, необходимость приспособливаться к мирной жизни.

Писатели с поэтами после долгих лет молчания получили послабление, но не, как им хотелось бы, полную свободу.

Кто во всем этом виновен? Естественно, Хрущев. Он в ответе за все. Вот такой получался букет. Проводить реформы в отсутствие союзников – настоящее безумие, но несмотря ни на что отец не терял оптимизма. Наступающий год виделся ему поворотным, особенно если повезет с урожаем.